

*Божественной Маргарет Рули
посвящается*

Когда мне было семь лет, я узнала, как важно плакать на похоронах. В тот летний день в гробу лежал мой двоюродный дед Орсон, который более всего запомнился своими вонючими сигарами, дурным запахом изо рта и невозмутимым пусканием ветров. При жизни он меня почти не замечал, как и я не замечала его, так что я не погрузилась в безутешную скорбь, услышав о его смерти. Не знаю, кому было нужно мое присутствие на похоронах, но семилетнему ребенку не дано выбирать, присутствовать или нет. Вот почему я в тот день ерзала на церковной скамье, скучала и потела в черном платье, недоумевая, почему меня не оставили дома с папой, который идти на похороны категорически отказался. Папа сказал, что будет чувствовать себя лицемером, делая вид, что скорбит по человеку, которого презирал. Я не знала, что означает слово «лицемер», но не сомневалась, что тоже не хочу быть лицемером. Тем не менее я оказалась в церкви, стиснутая между моей матерью и тетей Сильвией, и была вынуждена слушать бесконечные речи людей, воздававших бесцветную хвалу ничем не примечательному дядюшке Орсону. «Гордый и независимый человек, он со всей страстью относился к собственным привычкам! Как он любил свою коллекцию марок!»

Никто не говорил о дурном запахе у него изо рта.

Во время бесконечных зауспокойных речей я развлекалась тем, что изучала головы людей, сидящих на скамье

передо мной. И обратила внимание, что шляпка тети Донны усыпана перхотью, а дядя Чарли задремал и его парик съехал набок, словно коричневая крыса пыталась сползти по его голове. Я сделала то, что сделала бы любая нормальная семилетняя девочка.

Я рассмеялась.

Реакция последовала незамедлительно. Ко мне стали поворачиваться хмурые лица. Впавшая в ужас мама вонзила пять острых когтей в мою руку и прошипела:

— Прекрати!

— Но у него волосы свалились! Они на крысу похожи!

Ее когти вонзились еще глубже.

— Мы поговорим об этом позднее, Холли.

Дома никакого разговора не состоялось, были только крики и пощечина, и вот так я узнала, как подобает вести себя на похоронах. Узнала, что нужно быть мрачным и помалкивать, а иногда приветствуются и слезы.

Четыре года спустя, на похоронах матери, я сочла необходимым шумно проливать обильные слезы, потому что именно этого все ждали от меня.

Но сегодня, на похоронах Сары Бастераш, я не уверена, ждет ли кто-нибудь, что я буду плакать. Прошло более десяти лет с того дня, когда я в последний раз видела эту девицу, которую в школе знала как Сару Бирн. Близки мы никогда не были, и я не могу сказать, что ее уход поверг меня в скорбь. По правде говоря, я пришла на ее похороны в Ньюпорт из чистого любопытства. Мне *нужно* знать, как она умерла. «Такая ужасная трагедия», — бормочут все в церкви вокруг меня. Ее муж отсутствовал в городе. Сара выпила несколько рюмочек и уснула, а на ее прикроватной тумбочке горела свеча. Пожар вспыхнул по чистой случайности. По крайней мере, так говорят свидетели.

Мне хочется в это верить.

Маленькая церковь в Ньюпорте набита битком, заполнена всеми друзьями, которыми Сара успела обза-

вестись за свою короткую жизнь. Большинство из них я не знала, как не знала и ее мужа Кевина. При более счастливых обстоятельствах он мог бы быть вполне привлекательным, достойным того, чтобы я попыталась очаровать его, но сегодня он выглядит искренне сломленным. Неужели это скорбь делает нас такими?

Я оглядываю церковь и вижу позади себя свою одноклассницу Кейти. Лицо у нее распухло, от слез тушь потекла по щекам. Почти все женщины и многие мужчины плачут, потому что кто-то поет старый квакерский, гимн «Простые дары», который, похоже, всегда вызывает такую реакцию. На мгновение наши с Кейти глаза встречаются: ее — полные слез и мокрые, мои — холодные и сухие. Я так изменилась со школьных времен, что вряд ли меня можно узнать, но все же она уставилась на меня пронзительным взглядом, будто увидела призрака.

Я отворачиваюсь и снова смотрю вперед.

К тому времени, когда заканчиваются «Простые дары», мне тоже удастся выдавить немного слез, как у всех.

Я присоединяюсь к длинной очереди провожающих, чтобы отдать последний долг, а проходя мимо закрытого гроба, вижу фотографию Сары на подставке. Ей было всего двадцать шесть, на четыре года меньше, чем мне, и на фотографии она свежая, розовощекая и улыбающаяся, та самая хорошенькая блондинка, какой я ее помню по школьным дням, когда я была девчонкой, которую никто не замечал, призраком, прячущимся по углам. И вот я здесь, моя кожа по-прежнему свежа, а Сара, хорошенькая маленькая Сара, превратилась в обугленные кости, лежащие теперь в этом ящике. Все наверняка так и думают, глядя на изображение Сары до пожара; они видят улыбающееся лицо на фотографии, а представляют обгоревшие останки, почерневший череп.

Очередь продвигается, я приношу соболезнования Кевину. Он бормочет: «Спасибо, что пришли». Он понятия не имеет, кто я и откуда знаю Сару, но видит на моих ще-

ках следы слез и благодарно жмет мне руку. Я оплакала его умершую жену, а большего для того, чтобы пройти испытание, и не требовалось.

Я выскальзываю из церкви навстречу холодному ноябрьскому ветру и быстро иду прочь, потому что не хочу, чтобы меня перехватила Кейти или какая-нибудь другая знакомая из детства. За прошедшие годы мне удавалось всех их избегать.

А может быть, они избегали меня.

Сейчас всего два часа, и, хотя мой босс в «Буксмарт медиа» отпустил меня на весь день, я думаю заглянуть в офис — просмотреть имейлы, прослушать телефонные звонки. Я рекламный агент десятка авторов, и мне необходимо регулярно появляться перед прессой, отправлять корректуры, предлагать свои услуги. Но прежде чем вернуться в Бостон, я должна сделать еще одну остановку.

Я еду к дому Сары — или к тому, что было ее домом. Теперь там только обгоревшие руины, обугленные бревна и груда кирпичей в саже. Белый штaketник, прежде ограждавший лужайку перед домом, лежит поломанный, вдавленный в землю, уничтоженный пожарными, тащившими с улицы свои шланги и лестницы. К тому времени, когда приехали пожарные машины, в доме уже бушевал огненный ад.

Я выхожу из машины и приближаюсь к руинам. В воздухе все еще стоит запах дыма. С тротуара я вижу слабое поблескивание холодильника из нержавеющей стали в черной горе мусора. Одного лишь взгляда на этот нью-портский район мне достаточно, чтобы понять, что дом был не из дешевых, и я пытаюсь сообразить, каким бизнесом занимается муж Сары или есть ли деньги у его семьи. Такого преимущества у меня определенно никогда не было.

Дует порывистый ветер, и опавшие листья шуршат у меня под ногами, вызывая в памяти другой осенний

день двадцать лет назад, когда мне было десять и сухая листва в лесу похрустывала под моими башмаками. Тот день все еще тенью лежит на моей жизни, и по этой причине я стою сегодня здесь.

Я смотрю на импровизированный мемориал, созданный в честь Сары. Люди оставили здесь букеты цветов, я вижу холмик из увядших роз, лилий, гвоздик — цветочная дань молодой женщине, которую явно любили. Внезапно мое внимание привлекает зелень, не входящая в какой-то из букетов, а брошенная поверх других цветов, словно запоздалая идея.

Это пальмовый лист. Символ мученичества.

По моей спине пробегает холодок, и я спешу уйти. Сквозь стук сердца я слышу звук приближающегося автомобиля, поворачиваюсь и вижу патрульную машину нью-портской полиции, сбросившую скорость почти до черепашьего шага. Окна закрыты, и лица полицейского я не вижу, но знаю, что он, проезжая, пристально разглядывает меня. Я отворачиваюсь и ныряю в свою машину.

Несколько секунд я сижу и жду, когда успокоится сердце и перестанут дрожать руки. Я снова смотрю на руины дома и представляю себе шестилетнюю Сару. Хорошенькая маленькая Сара Бирн подпрыгивает на сиденье школьного автобуса. В тот день нас было пятеро в автобусе.

Теперь осталось только четверо.

— Прощай, Сара, — шепчу я, потом завожу машину и еду назад в Бостон.

Даже монстры смертны.

Женщина, лежащая по другую сторону окна, могла казаться таким же человеческим существом, как и остальные пациенты в реанимации, но доктор Маура Айлз прекрасно знала, что на самом деле Амальтея Лэнк — монстр. За окном бокса находилось существо, которое бродило по ночным кошмарам Мауры, бросало тень на ее прошлое и предсказывало ее будущее.

«Это моя мать».

— Мы слышали, что у миссис Лэнк есть дочь, но не знали, что вы совсем рядом, в Бостоне, — сказал доктор Вонг.

Не прозвучала ли в его голосе нотка неодобрения? Упрек в том, что она пренебрегает дочерним долгом и не пришла к постели умирающей матери?

— Она моя биологическая мать, — ответила Маура, — но, когда я была совсем ребенком, она отдала меня в другую семью. Я узнала о ней всего несколько лет назад.

— Однако вы с ней встречались?

— Да. Но я не разговаривала с ней с... — Маура оборвала себя. «С тех пор, как поклялась не иметь с ней ничего общего». — Я не знала, что она в реанимации, пока сегодня днем мне не позвонила медсестра.

— Ее приняли сюда два дня назад, после того как у нее поднялась температура и число лейкоцитов стремительно увеличилось.

— Какой показатель сейчас?

— Уровень нейтрофилов — это определенный тип белых кровяных телец — составляет всего пять сотен. А должен быть в три раза выше.

— Вы, вероятно, уже начали эмпирическую терапию? — Маура заметила, что он удивленно моргнул, и сказала: — Извините, доктор Вонг, я должна была сразу сообщить, что я врач. Занимаюсь медицинской экспертизой.

— О, я не понял. — Он откашлялся и тут же перешел на общий для медиков профессиональный жаргон. — Да, мы начали эмпирическую терапию антибиотиками сразу же после посева крови. Приблизительно у пяти процентов пациентов при таком же, как у нее, режиме химиотерапии развивается фебрильная нейтропения.

— И какой у нее сейчас режим химиотерапии?

— Фолфиринокс. Это сочетание четырех лекарств, включая фторурацил и фолиниевую кислоту. Одно французское исследование показало, что фолфиринокс продлевает жизнь пациентам с метастатическим раком поджелудочной железы, но пациенты должны наблюдаться на предмет повышения температуры. К счастью, тюремная медсестра во Фрамингеме контролировала ситуацию. — Он замолчал, подыскивая способ задать деликатный вопрос. — Надеюсь, вы не будете возражать, если я спрошу?

— Пожалуйста.

Тема, которую он хотел затронуть, явно вызывала у него чувство неловкости. Гораздо проще было говорить о лейкоцитах, антибиотиках, научных данных, потому что факты не принадлежали ни добру, ни злу, они не требовали нравственной оценки.

— В ее медицинской карте из Фрамингема не говорится, почему она оказалась в тюрьме. Нам только сказали, что она отбывает пожизненный срок и приговор исключает досрочное освобождение. Сопровождающий ее охранник требует, чтобы его подопечная была постоянно

пристегнута наручниками к кровати, а это мне представляется настоящим варварством.

— Просто у них такой протокол содержания госпитализированных заключенных.

— Она умирает от рака поджелудочной железы, и все видят, насколько она слаба. Она определенно не в состоянии вскочить с кровати и убежать. Но охранник сказал, что она гораздо опаснее, чем кажется.

— Это правда.

— За что она сидит?

— За убийства. Серийные.

Он посмотрел на Амальтею через окно:

— Вот эта женщина?

— Теперь вы понимаете, почему наручники. И почему у бокса дежурит охранник.

Маура взглянула на полицейского в форме, который сидел у двери, наблюдая за их разговором.

— Простите, — сказал доктор Вонг. — Вам, вероятно, нелегко знать, что ваша мать...

— Убийца? Да.

«И вы еще не знаете худшего. Вы не знаете об остальном семействе».

Глаза Амальтеи медленно открылись. Костлявый палец поманил Мауру жестом столь же ужасающим, как мановение когтя самого Сатаны. «Мне нужно повернуться и уйти», — подумала молодая женщина. Амальтея не заслуживала чьего-либо сочувствия или доброты. Но Мауру связывали с этой женщиной узы прочные, как сталь. Уже одна только ДНК подтверждала, что Амальтея Лэнк — ее мать.

Мужчина-охранник пристально следил за Маурой, пока та облачалась в одноразовый халат и надевала респиратор. Визит будет далеко не приватным: охранник станет наблюдать за каждым их взглядом и жестом, и по больнице наверняка поползут неизбежные слухи. Доктор Ма-

ура Айлз, бостонский патологоанатом, чей скальпель рассек бесчисленное количество трупов, женщина, которая регулярно ходит по следам старухи с косой, — дочь серийного убийцы. Смерть — их семейный бизнес.

Амальтея посмотрела на Мауру глазами черными, как осколки обсидиана. В назальной канюле тихонько шипел кислород, на мониторе над кроватью пробежала по экрану кривая сердечного ритма. Доказательство того, что человек, даже настолько бездушный, как Амальтея, тоже имеет сердце.

— Значит, ты все же пришла ко мне, — прошептала Амальтея. — Хотя и поклялась, что никогда не придешь.

— Мне сказали, что ты в критическом состоянии. Может быть, это наша последняя возможность поговорить. И я хотела увидеть тебя, пока еще есть такая возможность.

— Потому что тебе что-то надо от меня?

Маура недоуменно покачала головой:

— Что мне может быть надо от *тебя*?

— Так заведено, Маура. Все разумные существа ищут преимущества. Все, что мы делаем, мы делаем исходя из собственной выгоды.

— Ты — может быть. Но не я.

— Тогда почему ты пришла?

— Потому что ты умираешь. Потому что ты пишешь мне, просишь меня прийти. Потому что мне хочется верить, что я не лишена сострадания.

— Которого лишена я.

— Как думаешь, почему ты прикована к кровати наручниками?

Амальтея поморщилась и закрыла глаза, ее рот внезапно сжался от боли.

— Наверное, я это заслужила, — прошептала она.

На ее верхней губе проступил пот, и несколько мгновений она лежала совершенно неподвижно, даже дыхание

давалось ей с мучительным трудом. Когда Маура видела ее в последний раз, черные, с обильной сединой волосы Амальтеи были густыми. Теперь на ее черепе держалось лишь несколько прядей — все, что осталось после жестокого курса химиотерапии. Виски ввалились, и кожа обвисла, как упавшая палатка, на подпорках лицевых костей.

— Тебе, кажется, больно. Дать морфия? — спросила Маура. — Я позову сестру.

— Нет. — Дыхание ее восстановилось. — Пока не надо. Мне нужно быть в ясном сознании. Нужно поговорить с тобой.

— О чем?

— О тебе, Маура. О том, кто ты.

— Я знаю, кто я.

— Правда? — Амальтея смотрела на нее темными, бездонными глазами. — Ты моя дочь. Этого ты не можешь отрицать.

— Но я совсем не такая, как ты.

— Потому что тебя вырастили уважаемые мистер и миссис Айлз из Сан-Франциско? Потому что ты ходила в лучшие школы, получила лучшее образование? Потому что ты работаешь на истину и правосудие?

— Потому что я не убила две дюжины женщин. Или их было больше? В твоем окончательном подсчете есть и другие женщины, которые не фигурировали на процессе?

— Это все прошлое. Я хочу поговорить о будущем.

— Стоит ли беспокоиться? Тебя там нет.

Это было жестоко, но Маура не собиралась проявлять милосердие. Она вдруг почувствовала, что ею манипулируют, что ее заманила сюда женщина, которая точно знает, за какие веревочки дергать марионетку. В течение нескольких месяцев Амальтея забрасывала ее письмами. «Я умираю от рака. Я твоя единственная кровная родня. Это твоя последняя возможность проститься». Не мно-

гие слова имеют такую силу, как «последняя возможность». Упусти ее — и потом всю жизнь будешь сожалеть.

— Да, я умру, — произнесла Амальтея обыденным тоном. — И ты останешься с вопросом, кто же были твои сородичи.

— Мои сородичи? — Маура рассмеялась. — Словно мы какое-то племя.

— Да, мы племя. Мы принадлежим племени, которое кормится с мертвецов. Как это делали мы с твоим отцом. Как твой брат. И разве не смешно, что ты занимаешься тем же? Спроси себя, Маура, почему ты выбрала эту профессию? Такое странное желание. Почему ты не преподаватель или банкир? Что заставляет тебя вскрывать мертвецов?

— Это чисто научный интерес. Я хочу знать, почему они умерли.

— Конечно. Логичный ответ.

— А разве он не лучший?

— Все дело в темноте. Мы обе разделяем ее. Разница в том, что я ее не боюсь, а ты — боишься. Ты пытаешься рассеять страх, вскрывая его своими скальпелями в надежде раскрыть его тайны. Но из этого ничего не получается, верно? Твоя фундаментальная проблема остается нерешенной.

— И что же это за проблема?

— Она внутри тебя. Темнота — часть тебя.

Маура заглянула в глаза матери, и от того, что она там увидела, в горле у нее пересохло. «Боже мой, я ведь вижу себя». Она отпрянула.

— С меня хватит. Ты просила меня приехать, и я приехала. Больше не присылай мне писем, я не буду на них отвечать. — Она повернулась к выходу. — Прощай, Амальтея.

— Ты не единственная, кому я пишу.

Маура, уже готовая открыть дверь бокса, остановилась.

— Я кое-что знаю. Знаю то, что и ты тоже захочешь узнать. — Амальтея закрыла глаза и вздохнула. — Кажется, тебе не слишком интересно, но это только пока. Потому что скоро ты найдешь еще одну.

«„Еще одну“ что?»

Маура помедлила на пороге, не желая снова быть втянутой в разговор. «Не отвечай, — подумала она. — Не позволяй ей поймать тебя в ловушку».

Ее спас мобильник, низкое вибрирующее жужжание в ее кармане. Не оборачиваясь, Маура вышла из бокса, стащила с лица респиратор и нащупала под халатом телефон.

— Доктор Айлз, — произнесла она.

— У меня для тебя преждевременный рождественский подарок, — сказала детектив Джейн Риццоли, чей голос звучал слишком беззаботно для той новости, которую она собиралась сообщить. — Белая женщина двадцати шести лет. Умерла в кровати. Полностью одетая.

— Где?

— Мы в Кожевенном районе¹, на Утика-стрит. Не могу дождаться, когда ты приедешь и скажешь свое мнение.

— Ты говоришь, она в кровати? В собственной?

— Да. Ее нашел отец.

— И это точно убийство?

— Ни малейших сомнений. Но Фрост в штаны наложил из-за того, что случилось с ней *после*. — Джейн помолчала и тихо добавила: — По крайней мере, я надеюсь, что она была мертва, когда это произошло.

Через окно бокса Маура видела, что Амальтея смотрит на нее пронизательными любопытствующими глазами. Конечно, ей любопытно: ведь смерть — их семейный бизнес.

¹ *Кожевенный район* — район в Бостоне, названный по обилию там в XIX в. кожевенных мастерских.

— Сколько тебе нужно, чтобы добраться сюда? — спросила Джейн.

— Я сейчас во Фрамингеме. Понадобится некоторое время, в зависимости от трафика.

— Во Фрамингеме? Что ты там делаешь?

Маура не имела никакого желания обсуждать этот предмет, особенно с Джейн.

— Выезжаю, — сказала она, отключилась и посмотрела на свою умирающую мать.

«Здесь мне больше нечего делать, — подумала она. — Я никогда не увижу тебя снова».

Губы Амальтеи медленно скривились в улыбке.

Когда Маура добралась до Бостона, на город уже опустилась темнота, а промозглый ветер прогнал людей с улиц. Утика-стрит была узкой, и ее заполнили всякие служебные машины, поэтому Маура припарковалась за углом и помедлила, оглядывая безлюдную улицу. За последние несколько дней сначала выпал снег, затем наступила оттепель, а потом грянул лютой холод, и на тротуарах образовалась предательская ледяная корка. «Пора начинать работу. Пора оставить Амальтею в прошлом», — подумала Маура. Именно это Джейн и советовала ей сделать еще несколько месяцев назад: «Не ходи к Амальтее, даже не думай о ней. Пусть она сгниет в тюрьме».

«Теперь все кончено, — подумала Маура. — Я попрощалась, и она наконец ушла из моей жизни».

Она вышла из своего «лексуса», и ветер подхватил полы ее длинного черного пальто, пробрался сквозь ткань шерстяных брюк. Маура быстро, насколько позволял скользкий тротуар, зашагала мимо кофейни и спрятавшегося за жалюзи туристического агентства и свернула на Утика-стрит, напомиравшую узкий каньон между складами из красного кирпича. Когда-то это был район кожевников и оптовых торговцев. Многие из зданий девятнадцатого века были перестроены под жилые помещения, и промышленный прежде район стал модным обиталищем местных художников.

Маура обошла кучу строительного мусора, частично перегородившую улицу, и заметила впереди мрачноватый свет синей мигалки патрульной машины, словно маяк, посылающий сигналы бедствия. Сквозь лобовое стекло виднелись силуэты двух патрульных, двигатель работал, чтобы внутри было тепло. Когда Маура подошла, окно машины опустилось.

— Привет, док! — улыбнулся ей патрульный. — Вы пропустили самое интересное. Только что уехала «скорая».

Хотя лицо его было знакомо Мауре и он явно узнал ее, она понятия не имела, как его зовут, — это случалось с ней довольно часто.

— И что же было самое интересное? — спросила она.

— Риццоли в доме разговаривала с одним типом, а он схватился за грудь, брык — и упал. Наверно, инфаркт.

— Он еще жив?

— Увозили — был жив. Жаль, что вас не было, — доктор им бы не помешал.

— У меня другая специализация. — Она посмотрела на дом. — Риццоли все еще там?

— Да, вам вверх по лестнице. Неплохая квартирка. Жить в такой круто, если ты не помер.

Патрульный поднял окно, и она услышала, как полицейские хохочут над собственной шуткой. Ха-ха, шутка с места смерти. Совсем не смешно.

Маура остановилась на кусачем ветру, чтобы надеть бахилы и перчатки, потом вошла в дом. Дверь за ней громко захлопнулась, и она резко остановилась, оказавшись перед изображением залитой кровью девушки. На стене в прихожей, словно некое жуткое приглашение-приветствие, висел постер фильма ужасов «Кэрри» — кровавые брызги техникolora, которые неминуемо заставляли вздрогнуть любого, входившего в эту дверь. На стене красного кир-

пича вдоль лестницы висела целая галерея подобных постеров. Поднимаясь по ступенькам, Маура прошла мимо «Дня триффидов», «Колодца и маятника», «Птиц», «Ночи живых мертвецов».

— Наконец-то, — раздался голос Джейн с площадки второго этажа. Она показала на «Ночь живых мертвецов». — Ты только представь: приходишь каждый день домой, и тебя встречает такая вот радость.

— Эти постеры, похоже, оригиналы. Не на мой вкус. Но, видимо, довольно ценные.

— Заходи, и получишь целую охапку того, что тоже не на твой вкус. Уж не на мой-то точно.

Маура последовала за Джейн в квартиру и остановилась, чтобы полюбоваться массивными деревянными балками наверху. На полу сохранялись широкие оригинальные дубовые доски, отполированные до блеска. Сделанный со вкусом ремонт преобразовал то, что некогда было складом, в великолепный жилой дом, явно не по карману какому-либо голодающему художнику.

— Мой дом ни в какое сравнение не идет, — сказала Джейн. — Я бы с удовольствием сюда переехала, но сначала избавилась бы от этой штуковины на стене — у меня от нее мурашки по телу. — Она показала на чудовищный красный глаз, смотревший с еще одного постера-страшилки. — Название видишь?

— «Я тебя вижу», — прочитала Маура.

— Запомни это название. Возможно, оно имеет скрытый смысл, — зловещим тоном произнесла Джейн.

Она провела Мауру через открытую кухню, мимо вазы со свежими розами и лилиями — щедрым прикосновением весны в этот декабрьский вечер. На черной гранитной столешнице лежала карточка флориста с надписью фиолетовыми чернилами: «Поздравляю с днем рождения! С любовью, папа».

— Ты сказала, что ее нашел отец? — спросила Маура.

— Да, этот дом принадлежит ему. Он позволял дочери жить здесь без арендной платы. Сегодня она должна была встретиться с отцом на ланче в «Фор сизонс», чтобы отметить ее день рождения. В назначенное время не появилась, на телефонные звонки не отвечала, и отец решил приехать посмотреть. Говорит, что входная дверь не была заперта, но все остальное не вызвало у него беспокойства. Пока он не прошел в спальню. Дойдя до этого места в своих показаниях, он схватился за сердце, и нам пришлось вызывать «скорую».

— Патрульный внизу сказал, что отец все еще был жив, когда его увозили.

— Но выглядел он неважно. После того, что мы нашли в спальне, я опасалась, что и Фросту придется вызывать «скорую».

Детектив Барри Фрост стоял в дальнем углу спальни, намеренно не отрывая глаз от блокнота, в котором что-то сосредоточенно писал. Его мертвенная бледность бросалась в глаза сильнее обычного, и он удостоил Мауру лишь коротким кивком. Да и она едва взглянула на Фроста; ее внимание было приковано к кровати, на которой нашли жертву. Молодая женщина лежала в удивительно безмятежной позе, раскинув руки по бокам, словно просто прилегла вздремнуть, не расстелив кровать и не раздеваясь. Она была вся в черном, от чулок до водолазки, что еще больше подчеркивало бледность ее лица. Волосы у нее тоже были черные, и только светлые корни выдавали, что цвет воронова крыла обретен благодаря краске. В ушах — масса золотых штифтиков, золотое колечко посверкивало и в правой брови. Но потрясенное внимание Мауры привлекло то, что зияло ниже бровей.

Обе глазницы были пусты. Содержимое изъяли — осталась только кровавая пустота.

Пораженная Маура посмотрела на левую руку женщины — на то, что, словно два белых камешка, лежало воткнутой ладони.

— И вот это-то, мальчики и девочки, делает вечерок интересным, — сказала Джейн.

— Двусторонняя энуклеация глазных яблок, — тихо произнесла Маура.

— Это кучерявое медицинское название того, что попростому называется «кто-то вырезал ей глаза»?

— Да.

— Мне нравится, как ты всему придаешь замечательно сухой клинический поворот. В этом свете тот факт, что она держит в руке собственные глаза, представляется не столь чудовищным.

— Расскажите мне о жертве, — попросила Маура.

Фрост неохотно оторвался от своего блокнота:

— Кассандра Койл, двадцать шесть лет. Живет... жила здесь одна. Бойфренда в последнее время не имела. Она независимый кинопродюсер, у нее собственная компания, называется «Крейзи Руби филмз». Размещается в небольшой студии на Саут-стрит.

— Это здание тоже принадлежит ее отцу, — добавила Джейн. — У ее семьи явно водятся деньги.

Фрост продолжил:

— Ее отец говорит, что в последний раз общался с жертвой сегодня днем, около пяти-шести часов, она как раз выходила из студии. Мы собираемся туда, чтобы допросить ее коллег и попытаться выяснить точное время, когда они видели ее в последний раз.

— А какие фильмы они снимают? — спросила Маура, хотя ответ был очевиден: об этом красноречиво говорили постеры, повешенные на лестнице.

— Ужастики, — ответил Фрост. — Ее отец сказал, они только что закончили съемку их второго фильма.

— И это согласуется с ее чувством стиля, — заметила Джейн, глядя на многочисленные пирсинги и черные волосы. — Я думала, готы уже вышли из моды, но эта девушка заставила меня переменить мнение.

Маура неохотно вернулась к тому, что лежало в руке убитой. На воздухе роговица высохла, и блестящие, прежде голубые глаза потускнели, заволоклись туманом. Хотя перерезанные мышцы и сморщились, Маура видела прямые мускулы, которые так точно управляют движениями человеческого глаза. Те шесть мускулов, что действуют в тесном взаимодействии, позволяя охотнику следить за уткой в небе, а ученику — пробежать взглядом страницу учебника.

— Пожалуйста, скажи нам, что она уже была мертва, когда он сделал... это, — проговорила Джейн.

— Энуклеация кажется мне посмертной, судя по состоянию пальпебральных складок.

— Состоянию чего?

— Складок на верхнем веке. Видите, внешние ткани почти не повреждены. Тот, кто удалил глазные яблоки, не торопился. Если бы она оставалась живой и сопротивлялась, это было бы трудно сделать. Кроме того, потеря крови минимальна, а это говорит о том, что сердце у нее уже не работало. Циркуляция крови прекратилась к тому времени, когда был сделан первый надрез. — Маура замолчала, разглядывая пустые глазные впадины. — Эта символика просто поразительна.

Джейн обернулась к Фросту:

— Я же тебе говорила, что она это скажет.

— Глаза считаются зеркалом души. Может быть, убийце не понравилось то, что он увидел в них. Или ему не понравилось, как она на него посмотрела. Может быть, он почувствовал угрозу в ее взгляде и отреагировал — вырезал ей глаза.